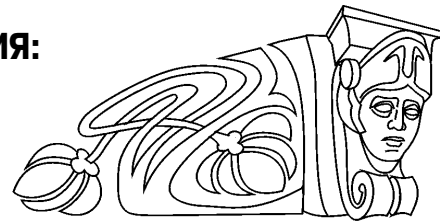




УДК 908

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ (на примере истории старообрядческих общин Саратовского края)



И. В. Полозова

Полозова Ирина Викторовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, i.v.polozova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы единства старообрядческой традиции на примере общин разных толков и согласий, бытовавших на территории Саратовской губернии/области в XVIII – начале XXI века. В центре внимания оказываются вопросы специфики старообрядческой традиции, нацеленной на охранительную тенденцию, однако допускающую привнесение специфических локальных признаков; рассматриваются основные формы бытования саратовской старообрядческой традиции; соотношение понятий «центр» и «периферия»; выявляется общность старообрядческой традиции в процессе ее исторического развития.

Ключевые слова: старообрядчество, монастыри, богослуженное пение, саратовская региональная традиция, центр, периферия.

Old-believers' Regional Tradition: the Similarities and the Differences (the History of Old-believers' Communities in the Saratov Region)

I. V. Polozova

Irina V. Polozova, ORCID 0000-0001-5519-4381, Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, 1, Kirova Str., Saratov, 410012, Russia, i.v.polozova@mail.ru

The article is dedicated to the issue of the unity of old-believers' tradition analyzed in the case study of the communities of various branches existing in the Saratov region in the 18th and early 19th centuries. The paper is focused on specific features of the old-believers' tradition aimed at preservation, which, however, allows the introduction of some specific local characteristics; the main forms of the existence of Saratov old-believers' tradition are regarded more closely; the correlation of the notions of "centre" and "periphery" are considered; the unity of old-believers' tradition in the process of its historical development is revealed.

Key words: old believers, monasteries, church singing, Saratov regional tradition, centre, periphery.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-264-269

Старообрядческая традиция – это явление многомерное, объемное, имеющее сложную и длительную драматическую историю своего существования. Выступая наследницей средневековой, дореформенной эпохи Русской православной церкви, старообрядчество сумело до настоящего времени сохранить дух и силу православной веры,

донести до нас звучание средневековых песнопений, сохранить богатейшую культуру прошлого.

В качестве важнейших системных признаков старообрядческой традиции можно выделить два параметра: устойчивость и самодостаточность. Старообрядчество в силу объективных социально-культурных факторов функционирует как замкнутая, закрытая система, где информационный обмен с другими культурами весьма ограничен. Конфессиональная замкнутость старообрядцев – выражение действия охранительного механизма. Вспомним, что старообрядцы всегда стремились селиться в необжитых местах, удаленных от взоров церковной и светской власти, обособлялись в местностях с неоднородным населением, формируя свои конфессиональные кварталы, улицы, их дома были закрыты для посторонних глаз, а окна, выходявшие на улицу, плотно затворены ставнями, вплоть до настоящего времени в быту они используют необмирщенную посуду и т. п.

Старообрядческая культурная система ориентирована прежде всего не на создание нового, а на воспроизведение того, что имеет авторитет предания. Поэтому в идеологии старообрядчества присутствует сознательное отграничение своей культуры от иной – нововременной, пореформенной, которая, по убеждению носителей традиции, является заимствованной с Запада, а потому принципиально неверной. Кроме того, представители того или иного старообрядческого согласия предполагают исключительную правоту именно *своей* конфессиональной версии богослуженного обряда и вероучения в целом. Принцип воспроизведения определенной конфессиональной традиции неизбежно культивирует идеологию *своего* согласия, а также установку, что только *это* согласие наследует концепцию истинного православия. Так, старообрядцы, проживающие на территории Саратовской области, осознают свою принадлежность одной конфессиональной деноминации региона. Например, приверженцы поморского согласия гг. Вольска и Петровска поддерживают тесные контакты с саратовскими поморцами, но если это не удается, то устанавливаются связи со старообрядцами близкой по вероучению конфессией в своем регионе (например, с федосеевцами). Аналогичная ситуация характерна для всех других согласий. За исправлением треб, приобретением религиозной литературы, предметов церковной утвари, нательных крестов и т. п. старообрядцы разных общин также обращаются к представителям своего согласия. Таким образом,



в рамках единой конфессиональной региональной традиции между старообрядцами происходит интенсивный процесс общения, что косвенно подтверждает ее единство.

Наконец, многовековая практика тайного моления и преследований старообрядцев за их религиозные убеждения также не могла не способствовать конфессиональной замкнутости в жизни общин. Испытывая на протяжении своего существования большие трудности и прямую угрозу истребления, старообрядчество, вынужденное в той или иной степени трансформироваться, всегда сохраняло системные признаки своей культуры.

Однако трепетное отношение старообрядцев к наследуемой традиции выполняет не только охранительную, но и селективную функцию по отношению к возможным привнесениям в их богослужебную практику. Действие этого механизма позволяет данной культурной системе допускать только те изменения, которые не оказывают разрушительного действия на эту систему. Как показывает анализ современного состояния старообрядческой культуры, обновления, присутствующие в их современной богослужебной практике, не являются радикальными, носят локальный и весьма органичный характер. Отметим, что постоянная актуализация охранительного механизма в данной культурной системе подтверждает многочисленные изучения учеными социальных групп, оказавшихся в инородной культурной среде: «Можно говорить об особой *этнической обостренности* культур, длительное время существующих рядом и во взаимодействии. Этническая обостренность развития могла реализовываться и в сохранности собственных, порой весьма архаичных форм и жанров, и в возникновении (усвоении, трансформации и структурной интеграции) новых форм как результатов взаимодействия, и, наконец, в особом внутреннем пульсе, внутренней напряженности и интенсивности традиционного искусства, в том числе и в исторически длительной его продуктивности, утверждающей и поддерживающей этническое (равно национальное) самосознание народа и его группы»¹.

Старообрядческая традиция живет и развивается, питаясь соками богатейшего средневекового церковного искусства, что позволяет ей не только консервировать наследие прошлого, но и последовательно обновлять его, создавая новые образцы. В своих работах мы неоднократно рассматривали аспекты старообрядческого творчества на примере саратовской региональной традиции². Оно распространяется практически на все стороны богослужебной практики: как ее осмысления (например, создание таких выдающихся памятников русской религиозной и общественной мысли, как «Поморские ответы» братьев А. и С. Денисовых, многочисленная полемическая и агиографическая литература, создание новых толкований святоотеческих трудов, формирование текстов, обосновывающих правильность, истинность древ-

лего благочестия и своей конфессии в частности и т. п.), так и исполнения (развитие храмового строительства, иконографии, церковно-певческого искусства – новые виды напевов, создание старообрядческих редакций дореформенных и пореформенных песнопений, существенное обновление корпуса духовных стихов и т. д.). Таким образом, трепетное отношение старообрядчества к наследуемой традиции выполняет не только охранительную, но и генеративную функцию, последовательно обновляя и развивая дореформенные этические и эстетические установки. Наряду с этим в рамках изучаемой традиции отметим и селективную функцию по отношению к возможным инновациям. Действие этого механизма позволяет старообрядцам допускать в свой богослужебный обиход только те изменения, которые не оказывают разрушительного действия на данную культурную систему.

Безусловно, старообрядческая традиция, получившая распространение во всех регионах России и зарубежья, укоренившаяся практически на всех материках планеты, представлена множеством региональных вариантов, характеризующихся как типологически близкими (иногда и тождественными), так и специфическими, локальными характеристиками. Вместе с тем ее серьезное региональное изучение становится актуальным только с конца XX столетия. Обобщения, представленные в данной статье, отражают наблюдение и изучение певческих традиций старообрядцев саратовской региональной традиции.

Саратовская земля вплоть до настоящего времени является одним из крупных старообрядческих центров. На протяжении XVIII – начала XXI вв. на территории губернии были сформированы влиятельные и крупные монастырские комплексы (на реке Большой Иргиз и ключе Черемшан) и общины самых разных старообрядческих согласий. Так, наряду с основными согласиями поповского и беспоповского толков, представленные белокриничниками, беглопоповцами, поморцами, федосеевцами и спасовцами, здесь бытовали и крайне радикальные, а также мало распространенные старообрядческие согласия: аминовцы, безаминовцы, безкрещеванцы, левяки, правяки, некаевцы, отчаянные, перекрещеванцы, подпольники, странники, средники, сухарники и др. Все они имели разную степень распространенности и по-разному оказывали влияние на население региона.

Саратовское старообрядчество имеет длительную историю бытования, которая начинается со времени раскола Русской православной церкви в середине XVII века. Следовательно, саратовское старообрядчество как оппозиционное движение, существовало в рассматриваемой региональной традиции со времен его зарождения. Оно активно развивалось на протяжении последующих столетий и к началу XXI столетия сохранило развитую



сеть старообрядческих приходов и общин на территории Саратовской области.

Таким образом, саратовская региональная традиция является репрезентативной, она отражает общие процессы, характеризующие историю бытования данной конфессии. На территории Саратовской губернии действовали крупные старообрядческие центры, представляющие две формы бытования традиции: монастырскую и общинно-приходскую.

Монастырская форма представлена двумя важнейшими духовными и культурными центрами Поволжья – Иргизскими и Черемшанскими монастырями. В них сложились основательные традиции, в том числе и церковно-певческие, были созданы скриптории, иконописные мастерские, хорошо поставлен процесс обучения певческому делу. Монастырское богослужebное пение характеризовалось высоким профессионализмом, а местные певчие создавали новые редакции песнопений, проводили текстологическую работу по правке книг, переписывали музыкально-теоретические руководства. В Иргизских монастырях торжественность отправляемых богослужений способствовала развитию традиций демественного пения, вследствие чего здесь появляются новые варианты демества, последовательно сохраняется практика многораспевности в рамках демественного распева, создается значительное количество Демественников. Традиции Иргизских монастырей активно и последовательно развивались в Черемшанских обителях. В саратовской региональной традиции монастырская форма бытования старообрядцев распространяется на конец XVIII – начало XX в., а после закрытия обителей в 1918–1929 гг. она прекращает свое существование.

Общинно-приходская форма бытования старообрядцев на территории региона представляет развитую сеть разнообразных старообрядческих деноминаций как поповского, так и беспоповского толков. Крупными беспоповскими певческими центрами являлись общины поморцев и федосеевцев Саратова и Самодуровки (Белогорного), спасовцев Саратова, Вольска, Елховки и т. д. Бытование общин поповских согласий во многом ориентировалось на монастырскую практику, откуда приглашались священники, уставщики и головщики, присылались певческие книги и предметы церковной утвари. Наиболее значительными певческими хорами в регионе обладали беллопоповцы Вольска и Николаевска, а также белокриничники Саратова, Хвалынска и Сосновой Мазы.

Общинно-приходская форма бытования старообрядцев обладает своей спецификой, которая отражается и в их церковно-певческой практике. Во-первых, имея сильные клиросы, общины не обладали столь значительным числом хорошо обученных певчих, отсутствовал стабильный состав клирошан. Во-вторых, в общинах не появилось

специально организованных скрипториев, в которых могли бы фиксироваться местные редакции напевов. В-третьих, здесь, за редкими исключениями, не создаются музыкально-теоретические руководства, отражающие глубину постижения церковно-певческой практики. В-четвертых, в рукописях, принадлежащих старообрядческим общинам региона, гораздо меньше наблюдается многораспевность, так как каждая община тяготеет к своим излюбленным и часто единственным вариантам напевов. В-пятых, далеко не все согласия (прежде всего беспоповские) сумели организовать процесс обучения певческому искусству, который во многом способствовал поддержанию и сохранению церковно-певческой культуры старообрядцев.

В целом старообрядческие монастыри и общинно-приходские центры саратовской региональной традиции в исторической перспективе образуют мощную своими корнями и насыщенную в культурном и идеологическом плане традицию. В XVIII – начале XX в. саратовское старообрядчество во многом занимало лидирующие позиции в общественной жизни региона, определяло его экономическую и культурную деятельность. Особая атмосфера звучания знаменного пения на лучших старообрядческих клиросах являлась образцом богослужebного пения не только для старообрядцев, но и последователей господствующей Церкви.

Как хорошо известно, каждая региональная традиция в пространственном измерении имеет свой центр и периферию. Лимитрофные (пограничные) территории традиционно считаются наиболее уязвимыми в плане сохранения культурных региональных признаков, они в большей степени подвержены обновлениям и здесь процессы изменений протекают более динамично. В центре (ядре) данной региональной традиции динамика культурных изменений должна быть менее заметна. Центр больше ориентирован на стабильное состояние, тогда как периферия – на большую мобильность.

Рассмотрим высказанные выше положения на примере современного состояния старообрядческих общин Саратовской области. В периферийных общинах гораздо чаще допускаются признаки, в целом не свойственные старообрядческой традиции, например, активное использование в исполнительской певческой практике фольклорной манеры интонирования с употреблением таких характерных приемов, как глиссандо, терцовая втора, словообрывы и др. На наш взгляд, эти привнесения во многом детерминированы двумя факторами. Во-первых, сильным влиянием в этих периферийных зонах народно-песенной исполнительской традиции (причем совершенно не обязательно русской. Так, во многих селах Вольского района достаточно сильны украинские певческие традиции, что вызвано переселенческим движением и последующими адаптационными процессами в регионе). Во-вторых, допущение нехарактерных



исполнительских признаков вызвано низким уровнем подготовленности певчих на старообрядческом клиросе, а также наставников общин. Как правило, периферийные общины поповского толка не имеют своего священника, он приезжает в общину 1–2 раза в год, проводит богослужение и отправляет требы. Аналогичная ситуация часто складывается и в беспоповских общинах, куда наставник приезжает несколько раз в год из Саратова или другого крупного населенного пункта региона. В результате община, не имея своего опытного наставника и, как следствие, прихожан, хорошо знающих устав службы, все обрядовые нормы, певчих, владеющих знаменной нотацией и способных петь по крюкам, постепенно усваивает те исполнительские традиции, которые в данном регионе доминируют. Например, такая ситуация в настоящее время наблюдается во многих селах Вольского и Пугачевского районов, где старообрядцы нередко обращаются к богослужебной певческой практике официальной Православной церкви, перенимая напевы, обучаясь у новообрядцев погласицам пения и т. п. Таким образом, современная исполнительская практика в ряде периферийных старообрядческих общин Саратовской области постепенно словно обрастает инородными для этой певческой традиции признаками: элементами фольклорной манеры исполнения (вспомним, что в древнерусском церковно-певческом искусстве, преемницей которого и является старообрядческая певческая традиция, были последовательно отграничены области церковного и мирского, здесь вырабатывалась и закреплялась своя языковая лексика, строгий и отрешенный от открытой эмоциональности этос богослужебных песнопений, своя исполнительская манера) и пореформенной традиции пения.

Вместе с тем изучение старообрядческой традиции показывает, что понятия «центр» и «периферия» далеко не всегда укладываются в рамки географического и административного деления региона. На примере саратовской региональной традиции можно выделить два основных административно-иерархических уровня укорененности старообрядческой традиции. Главным центром общинно-приходской формы старообрядчества в губернии является Саратов, имеющий большие культурно-исторические традиции, где на протяжении XVIII – первой четверти XX в. старообрядческое влияние на жизнь и развитие города было весьма значительным. В Саратове в рассматриваемый период проживало много богатых старообрядческих родов, попечителей – приверженцев старой веры, на свои средства возводивших старообрядческие часовни, обустроивавших их, приобретающих для них церковную утварь, книги, иконы... Кроме того, большая численность населения города также способствовала формированию репрезентативного числа старообрядцев.

Второй уровень административных центров губернии, в которых функционировали крупные

и влиятельные старообрядческие общины – уездные города Вольск, Николаевск (ныне – Пугачев), Хвалынский. При этом отметим, что далеко не все уездные города Саратовской губернии выполняли роль старообрядческих центров, в ряде уездных центров региона старообрядчество не получило распространения. Так, в Балашовском уезде, сформированном позднее, в последней четверти XVIII в., большое распространение получили другие религиозные течения, например, молоканство.

Наряду с административными центрами, где функционировали крепкие и влиятельные старообрядческие монастыри и приходы, в губернии формируется целый ряд территориально периферийных, но в идеологическом и культурном отношении ключевых старообрядческих центров, например, с. Болтуновка (Ульяино), Елховка, Самодуровка (Белогорное), Сосновая Маза (Хвалынского уезда), Черкасское (Вольского уезда) и многие другие. Эти периферийные с административной точки зрения селения были исключительно важны для старообрядцев, так как здесь священством или беспоповскими наставниками отправлялись требы, регулярно проходили торжественные богослужения, на которых присутствовало большое число старообрядцев как из данного селения, так и из окрестных территорий. Эти общины имели свои храмы и часовни, богослужебные книги, в том числе и певческие, клиросы были уставлены опытными и грамотными певцами, традиции дореформенного богослужения тщательно сохранялись. Следовательно, качественным параметром таких старообрядческих центров оказывается не административный принцип территориальной организации, а прежде всего миграционный, нередко протекающий стихийно, отражающий историю заселения края: очень часто эти села формировались как тайные поселения старообрядцев, а потому образовывались на административной периферии (например, современные старообрядцы с. Белогорное считают, что свое исконное название – Самодуровка – село получило благодаря тому, что его основатели селились тайно, «самодуром», без разрешения губернского начальства). Старообрядчество всегда для создания своих зон влияния выбирало самые отдаленные от административного надзора места (труднодоступные районы Сибири, Урала, Поволжья и т. п., а также зарубежье) с целью беспрепятственного отправления дореформенных обрядов. Поэтому понятия «центр» и «периферия» не всегда «работают» с точки зрения административного фактора, напротив, в большей степени старообрядческими центром оказываются селения, географически удаленные от центра административного. Следовательно, административный параметр в старообрядческой традиции в нашем случае не является релевантным.

Саратовская региональная старообрядческая традиция предстает как единый, но многоликий социум, характеризующийся общими идейными



и эстетическими установками, направленными на сохранение богослужебной литургической практики дореформенной Руси. Длительный путь исторического развития исследуемой традиции, наряду с действием охранительного механизма, естественно, актуализировал и адаптивный механизм, отражающий сложные социальные процессы, протекающие в обществе. В связи с этим возможно ли считать саратовскую региональную старообрядческую традицию уникальной либо, напротив, приверженной общему и незыблемому обрядовому канону, выработанному в русском средневековье? Рассмотрим это явление на примере монастырской формы бытования саратовского старообрядчества.

Как известно, к периоду расцвета древнерусской певческой культуры сложились местные школы мастеров. Наряду с крупными монастырскими и региональными школами существовали и менее самостоятельные и оригинальные. Несмотря на то что нам практически ничего неизвестно о развитии церковно-певческого искусства в Саратове дореформенного времени, тем не менее, традиции певческой культуры существовали и здесь, так как город был обжит и имел свои обустроенные храмы и клиросы. Следовательно, к периоду начальной истории старообрядчества можно говорить о существовании местных богослужебно-певческих традиций.

Со второй половины XVIII в., когда начинают обустроиваться Иргизские монастыри, в Саратовское Поволжье устремляется волна старообрядцев-переселенцев с Ветки (территории Польши, где в конце XVII в. старообрядцы образовали крупные поселения). Соответственно будущие иргизские насельники принесли с собой высоко-развитое культурное наследие Ветки, что подтверждается общностью оформления рукописных книг, а также многочисленными свидетельствами современников. Следовательно, в Иргизских монастырях изначально должны были совмещаться местные певческие традиции (так как очень скоро большая часть певчих в монастырях состояла из старообрядцев окрестных сел) и певческие традиции Ветки. Кроме того, в Иргизских монастырях в небольшом числе проживали старообрядцы, выходцы из других губерний. Это первый серьезный этап адаптации и ассимиляции разных, хотя и близких культурных традиций.

Иргизские старообрядческие монастыри с конца XVIII столетия стали выполнять функцию религиозного центра губернии. Авторитет монастырей завоевывался не только активной идеологической работой монастырских насельников, но и благолепием и торжественностью отправления богослужения, в котором важное место занимает церковно-певческое искусство. Из редких архивных документов мы можем установить, что иргизские певчие не стремились создать свою школу пения, отличную от других старообрядческих монастырей или общин. Так, в

письме настоятеля Нижневоскресенского монастыря Никанора князю Голицыну, где он пишет о самом грамотном певчем монастыря Гаврииле Филиппове, мы встречаем такие строки: «а пение и обряд неизменно во всех показанных церквах [Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Высоковская пустынь. – *И. П.*] производится...»³ Таким образом Никанор указывает на общность старообрядческой певческой традиции.

Новый этап вынужденной адаптации в Иргизских монастырях наступает в связи с необходимостью принять единоверческий статус во второй четверти XIX века. Монастыри были подвержены насильственной реорганизации, прежние насельники высланы в места их постоянного проживания, а в монастыри переселены монахи-единоверцы из других губерний. Как показывают архивные данные, только в Спасо-Преображенском монастыре основной костяк монахов и послушников составляли выходцы из Иргизских старообрядческих монастырей и старообрядцев Саратовской губернии⁴. В Средне-Никольский женский монастырь была заселена группа насельниц из Максаковского монастыря Черниговской епархии⁵. Наиболее разнородным представляется состав насельников Нижне-Воскресенского монастыря, куда переселили старообрядцев из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимирской, Казанской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Орловской, Симбирской губернии, Молдавии и т. п.⁶ Таким образом, в реорганизованных Иргизских монастырях в XIX в. наступает новая волна адаптации разных региональных традиций. Смена настоятелей, а также клирошан в монастырях должна повлечь за собой проникновение в монастырскую практику новых веяний и традиций⁷.

С середины XIX в., после разорения Иргизских старообрядческих монастырей, на севере Саратовской губернии создаются Черемшанские обители. Считая себя «ветвью от корени» Иргизских монастырей, черемшанские насельники в отравлении богослужения и организации монастырского уклада во всем опираются на иргизские традиции. Однако помимо насельников с Иргиза в создаваемые обители приходит много староверов со всей Саратовской губернии, а также соседних губерний и Рогожского кладбища в Москве. Соответственно изначально черемшанское старообрядчество представляет собой многоликое сочетание различных региональных (но не конфессиональных!) традиций. Кроме того, следует учитывать и то, что Черемшанские монастыри имели очень тесные контакты с «миром», а сами монастыри представляли собой не замкнутое общежитие, а открытые для всех старообрядцев Хвалынского и губернии часовни и храмы. Таким образом, адаптационные процессы должны были характеризовать и этот этап в историческом развитии саратовского старообрядчества, что подтверждается анализом содержания певческих рукописей Черемшанских монастырей.



Как показал краткий исторический экскурс, старообрядцы саратовской региональной традиции не представляли собой закрытое и неизменное географически-административное образование. Эта региональная традиция формировалась в результате одновременного наложения нескольких факторов: идеологических, политических, экономических и социальных, что постоянно приводило в действие адаптационные процессы. Однако механизмы адаптации, как показывает современная певческая практика старообрядцев, были направлены прежде всего на действие охранительного механизма, что не исключает и формирование латентных, но нерелевантных специфических признаков исследуемой региональной традиции.

В любой старообрядческой региональной традиции происходит соединение и ассимиляция разных региональных традиций в рамках старообрядчества. При этом строжайшим в процессе адаптации будет местная старообрядческая традиция (в нашем случае – саратовская), тогда как влияние привнесенных элементов богослужебную практику, в результате сложных миграционных процессов, исключить нельзя. Современная певческая практика отдельных саратовских старообрядческих общин показывает, что переселенцы, участвуя в богослужении, способствуют привнесению в певческую практику своей (специфической для данной общины) манеры исполнения и интонирования, а в некоторых случаях и новые напевы.

Таким образом, саратовская региональная старообрядческая традиция представляет собой органичный синтез разных региональных и профессиональных вариантов, где местное начало безусловно доминирует, подчиняя себе привнесенное, тогда как последнее, словно узорочье, раскрашивает, обновляет освященную веками традицию.

Примечания

- ¹ Латин В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). Очерки и этюды. М., 1995. С. 63–64.
- ² См.: Полозова И. В. Обновление традиций знаменного пения в певческой практике старообрядцев : тенденции Нового времени // Русское музыкальное барокко : тенденции и перспективы исследования : материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. М., 2016. С. 37–44 ; Она же. Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев : формы бытования в исторической перспективе. Саратов, 2009. 336 с. ; Она же. Певческое творчество саратовских старообрядцев // Проблемы художественного творчества : сб. ст. по материалам Всерос. науч. чтений, посвящ. Б. Л. Яворскому. Саратов, 2010. С. 109–119 ; Она же. Обновление церковно-певческой практики в старообрядческих общинах саратовской региональной традиции XVIII – начала XX вв. // Музыковедение. 2009. № 4. С. 31–35 ; Она же. Певческое творчество старообрядцев Иргизских монастырей // Музыкальная академия. М., 2008. № 2. С. 129–138 ; Она же. Иргизский напев и певческое творчество старообрядцев Иргизских монастырей // Проблемы музыкальной науки. Уфа, 2007. С. 183–191.
- ³ Последние годы Иргизских мнимо-старообрядческих (раскольничьих) монастырей // Самарские Епархиальные Ведомости. 1872. № 16. С. 296.
- ⁴ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 9991. Л. 51 об.–62 об.
- ⁵ Там же. Л. 75 об.–79.
- ⁶ Там же. Л. 1–5 об.
- ⁷ Архивные документы показывают, что многие переселенцы, будучи клирошанами других монастырей, попав на Иргиз, также становились на клирос. Например, инок Фелагрий, прибывший в Средне-Никольский мужской единоверческий монастырь из Высоковского Успенского единоверческого монастыря, «состоял при келарской службе и при крылосе». См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 8536. Л. 1, 5.

Образец для цитирования:

Полозова И. В. Старообрядческая региональная традиция: общее и специфическое (на примере истории старообрядческих общин Саратовского края) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 264–269. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-264-269.

Cite this article as:

Polozova I. V. Old-believers' Regional Tradition: the Similarities and the Differences (the History of Old-believers' Communities in the Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 264–269 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-264-269.